

18+

Олег Александрович Пестов

Сила стихий

Шторм

Олег Пестов

Сила стихий. Шторм

«Издательские решения»

Пестов О. А.

Сила стихий. Шторм / О. А. Пестов — «Издательские решения»,

После удара молнии в открытом море Дима Вечерский просыпается в больнице. Он ничего не помнит. Но шрам на ладони светится по ночам, а техника вокруг выходит из строя. Кто он — наследник древних магов или игрушка в руках тьмы? Чтобы выжить и защитить близких, ему придётся научиться управлять новой силой.

© Пестов О. А.

© Издательские решения

Содержание

предисловие	6
вступление	7
Глава 1. Молния выбирает	8
1.1 Путь в море	8
1.2 Абордаж	10
1.3 Больница	12
1.4 1480 год. Война между людьми и магами	14
1.5 Кошмар	16
1.6 Естественная магия	18
1.7 конфликт с реальностью	21
1.8 Дневник наблюдений. Эксперименты на природе	23
1.9 Друг философ	25
1.10 Свет, который помнит	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сила стихий Шторм

Олег Александрович Пестов

© Олег Александрович Пестов, 2026

ISBN 978-5-0070-0016-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

предисловие

Молния — это просто. В учебнике физики написано: разность потенциалов, электрический пробой, ионизация воздуха. Можно рассчитать силу тока, предсказать место удара, защитить себя громоотводом. Всё объяснимо, всё предсказуемо.

Так говорят взрослые. Так говорят учёные. Так говорят те, кто никогда не стоял под грозой и не чувствовал, как небо раскрывается над головой, как воздух становится плотным, как волосы встают дыбом, а сердце замирает в ожидании. В такие секунды веришь не в формулы, а в то, что мир гораздо больше, чем мы можем объяснить.

Я не знаю, существует ли магия. Но я знаю, что есть вещи, которые не вписываются в таблицы и графики. Люди, в которых просыпается сила, когда они не ждут. Сны, которые помнят больше, чем ты сам. Шрамы, которые светятся по ночам.

Эта книга — не о том, как победить зло или спасти мир. Она о том, как принять в себе то, чего не понимаешь. Как остаться человеком, когда внутри тебя бушует стихия. Как найти себя, если ты потерял всё, кроме имени.

Я не могу обещать, что все вопросы получат ответы. Но я обещаю, что каждый, кто прочитает эту историю, хотя бы на минуту поверит: чудеса возможны. И не потому, что они нарушают законы природы, а потому, что природа гораздо шире наших представлений о ней.

И, может быть, в следующий раз, когда вы увидите молнию, вы подумаете не о грозовом фронте, а о том, что где-то сейчас стоит человек, который поднимает руку к небу — и оно отвечает ему. Автор

Вступление

В ту ночь на море был шторм. Так сказали в новостях. Так говорили спасённые матросы, когда их доставили в порт. Они помнили, как небо почернело, как волны вздыбились, как трещали мачты. Но никто из них не помнил пиратов. Никто не помнил вспышки, которая расколола тьму. Никто не помнил матроса, который поднял меч к небу и исчез в огне.

Только один человек помнил. Но он не знал, что это правда. Его память молчала, запечатанная болью и шоком. Его тело хранило шрам в виде молнии на левой ладони. А в груди, где-то глубоко, теплилась искра, которая ждала своего часа.

Он вернулся в город, снял квартиру, пытался жить как прежде. Но прошлое не отпускало. Оно приходило по ночам в виде снов, где он снова держал меч, а его руки светились голубым. Оно прорастало странными способностями: то гас свет, когда он проходил мимо, то закипал чайник, стоило ему на него взглянуть.

Он не знал, что его сила — наследие древнего рода, и что она привлекла внимание тех, кто охотится за магами. Он не знал, что его родители погибли, защищая его. Он не знал, что ответы хранятся в старой книге на латыни и в памяти человека, который ждал его двадцать лет.

Но очень скоро он узнает.

Глава 1. Молния выбирает

1.1 Путь в море

Дмитрий Вечерский никогда не видел моря. В детстве, в интернате на окраине промышленного города, море было для него таким же далёким, как звёзды. Он рос в детском доме с младенчества — ни писем, ни имени на дверях, только казённая койка, общая столовая и тихая, упрямая мечта, которая росла в нём с годами: увидеть горизонт, где небо смыкается с водой, почувствовать, как пахнет солью ветер.

В детдоме его называли Димой, но в документах значилось «Дмитрий Вечерский». Фамилию дали такую, в честь вечера, когда подкинули. Он к ней привык, как привыкают к казённой одежде: не выбирают, но носят. О прошлом он ничего не знал. Спрашивать было не у кого, а потом он перестал спрашивать. Решил, что прошлое — это то, что будет завтра.

Когда пришло время выбирать путь, он не колебался. Флот. Не флот больших ракетных кораблей, а учебный парусник «Святой Николай» — легендарное судно, которое брало на борт новобранцев, желавших пройти старую школу.

На медкомиссии врач спросил: «Родители?» — «Не знаю», — ответил Дмитрий. Врач крикнул, поставил галочку и выдал справку.

И вот он стоит на пирсе, сжимая в руках вещмешок. Вокруг суета: грузят ящики, матросы перекликаются, кто-то травит анекдот про боцмана. Запах соли, смолы, нагретого дерева. Дмитрий вдыхает полной грудью и чувствует, как в груди разливается что-то тёплое. Здесь, — думает он. — Наконец-то здесь.

Корабль оказался меньше, чем он представлял. Палуба, выложенная твёрдым деревом, высокие мачты с переплетением снастей, ржавые кольца для швартовки. Он поднимается по трапу, стараясь ступать твёрдо, чтобы никто не заметил, как колотится сердце. Встречает его старпом — человек с обветренным лицом, короткой седой щетиной и цепким взглядом.

— Фамилия? — голос у старпома спокойный, но такой, что не хочется врать. — Вечерский, — отвечает Дмитрий. — Вечерский... — Старпом окидывает его взглядом, задерживаясь на худых руках, на стоптанных ботинках. — В кубрик, четвёртый ряд, место у переборки. Через час построение на палубе. Форма по росту в каптёрке. — Он уже отворачивается, но на секунду задерживается. — Куришь? — Нет. — И не начинай. Море не любит дым.

Дмитрий кивает и направляется в кубрик. Узкий проход, двухъярусные койки, запах мазута и свежей краски. Он находит своё место у переборки, кидает вещмешок. Рядом возится парень с рыжими вихрами и веснушчатым носом.

— Лёшка, — представляется он, протягивая руку. — Штурман будущий, если экзамены сдам. — Дмитрий. — Ты из каких? — Лёшка с любопытством разглядывает его. — Из... — Дмитрий запинается. — Из интерната. — А, — Лёшка ничуть не смущается. — У нас таких трое. Моряк из интерната — хороший моряк, говорят. Проверим.

Он хлопает Дмитрия по плечу и уходит разбирать вещи. Дмитрий остаётся один. Он ложится на койку, подложив руки под голову, и смотрит в низкий потолок. В голове проносятся обрывки: казённые завтраки, длинные коридоры, окна, из которых видно только крыши. Он никогда не мечтал о море конкретно. Просто хотел места, где можно идти в любую сторону, пока не кончится дорога. Море показалось подходящим.

Через час — построение. Матросы выстроены в две шеренги на палубе. Капитан, высокий сутулый мужчина с пронзительными глазами, обходит строй, негромко здоровается с каждым. Дмитрий ловит себя на том, что невольно выпрямляется, когда капитан проходит мимо.

— Экипаж! — голос капитана негромкий, но слышно всем. — Идём по учебному маршруту: Балтийское море, Северная Атлантика, обратно. Три месяца. Задача: отточить навигацию, работу с парусами, умение выживать в шторм. — Он делает паузу. — В реальном море нет симуляторов. Запомните это.

Потом начинаются будни. Дмитрий быстро учится: как драить палубу, как вязать узлы, как подниматься на мачту, когда ветер раскачивает корабль. У него хорошая память и цепкие пальцы, а страх высоты он перебарывает на второй день, когда Лёшка кричит снизу: «Вечерский, ты чего застыл? Там дальше так же, только выше!».

— А если сорвусь? — кричит Дмитрий, глядя вниз, где палуба кажется крошечной. — Тогда я скажу, что ты был неплохим парнем! — смеётся Лёшка. — Держись крепче!

Дмитрий сжимает ванты, делает вдох и лезет дальше. К концу недели он уже лазает по мачтам почти без страха, хотя внутри всё равно ёкает, когда налетает порыв ветра.

По вечерам, когда смены заканчиваются, матросы собираются на баке. Кто-то достаёт гитару, кто-то травит байки. Старый канонир Степаныч, которого все зовут просто «дед», рассказывает о старых плаваниях. У него голос хриплый, табаком прокуренный, но слушать его интересно.

— А были пираты? — спрашивает кто-то из новеньких. — Были, — Степаныч затягивается самокруткой. — Только не те, что в кино. Не на шхунах с черепами. Обычные рыбаки, которым нечем кормить семьи. Или наёмники, которые тащат всё, что не прибито. — Он смотрит на Дмитрия. — Ты, детдомовский, страшно? — Не знаю, — честно отвечает Дмитрий. — Я никогда не дрался. — И не надо. — Степаныч выбивает трубку. — Хороший моряк не тот, кто умеет махать кулаками, а тот, кто умеет не попадать в переплёт.

Лёшка толкает Дмитрия локтем: — Дед прав. Но если что — мы за тебя. У нас коллектив.

Дмитрий кивает, но думает о своём. Он никогда ни за кого не держался, и никто не держался за него. В детдоме дружба была условной: сегодня ты с Витькой, завтра он уезжает, и ты снова один. Здесь, на корабле, всё кажется другим. Люди рядом каждый день, и от них не уйти, даже если захочешь. Это и пугает, и почему-то успокаивает.

Через две недели они выходят в открытое море. Дмитрий стоит на носу, ветер треплет волосы, соль оседает на губах. Горизонт — сплошная линия, ни единого пятнышка земли. Небо сливается с водой, и кажется, что корабль парит в пустоте.

— Красиво? — спрашивает Лёшка, подходя сзади. — Не то слово, — выдыхает Дмитрий. — Я думал, я знаю, что такое простор. Но это... — Это свобода, — заканчивает Лёшка. — Теперь ты понял.

Дмитрий молчит, сжимая поручни. В груди тесно от чувств, которые трудно назвать. Свобода? Возможно. Но есть ещё что-то — щемящее, похожее на предчувствие. Он смотрит на воду, на бесконечные волны, и ему кажется, что где-то там, в глубине, спрятано что-то, что когда-то принадлежало ему. Или он — ему.

— Лёш, — спрашивает он, не оборачиваясь. — А ты веришь, что бывает что-то... ну, необъяснимое? Что люди могут то, что не укладывается в голове? — Типа магии? — Лёшка усмехается. — В наше время? Дим, ты книги перечитал.

Всё объяснимо физикой, химией. Ну, может, психологией. — А если нет? — Если нет... — Лёшка задумывается. — Тогда, наверное, это было бы страшно. Потому что непонятно, как себя вести. Но интересно, — добавляет он. — Очень интересно.

Дмитрий кивает, не отвечая. Ему кажется, что в этом плавании случится что-то, что перевернёт всё. Он не знает, откуда это чувство. Может, от переутомления, а может, от того, что впервые в жизни он оказался там, где небо встречается с водой, и в этом слиянии есть что-то, что отзывается где-то в самых глубоких клетках его тела.

Но он отгоняет эти мысли. Надо учиться, работать, становиться моряком. Всё остальное — потом. Или никогда.

1.2 Абордаж

Дима знал, что «Святой Николай» — учебный парусник, сохранившийся с прошлого века как музей и плавучая школа. На его борту было всё по-старинке: такелаж, реи, паруса. Но оружие — самое обычное: карабины и пистолеты в оружейной рубке, на случай пиратов. В двадцать шестом году пираты казались такой же архаикой, как сам парусник. Дима не верил, что они существуют. Пока не увидел своими глазами.

В тот день он лазил по вантам — проверял крепление марса-рея. Ветер был свежий, но спокойный. С высоты двадцати метров море казалось серым одеялом. Дима поправил страховку, оглянулся. На палубе внизу матросы занимались своими делами. Обычный день.

Первое, что он заметил — странная волна. Она шла не от ветра, а откуда-то с юго-востока, разрезая ровную гладь. Дима присмотрелся. И тут же небо над головой перевернулось. Тучи выросли из ничего, закрыли солнце за минуту.

Ветер завыл, сорвал с него бескозырку, и Дима едва успел вцепиться в ванты.

— Все вниз! — заорал снизу боцман. — Крепить паруса!

Дима спустился по скользким снастям, когда корабль накренило. Он упал, больно ударился плечом о фальшборт. Сквозь рёв ветра послышался другой звук — низкий, протяжный, похожий на рёв зверя. Дима поднял голову.

Из тумана вынырнул корабль. Тёмно-серый, с рваными парусами и высоким носом. На его мачте трепыхался чёрный флаг. Дима не верил своим глазам. Пираты? Но раздумывать было некогда.

— К бою! — скомандовал капитан. — Взять оружие!

Матросы бросились к рубке, защёлкали затворы. Пираты уже шли на абордаж, сбрасывая крючья на палубу «Святого Николая». Грохнули первые выстрелы.

Дима, никогда не державший в руках оружия, вжался в надстройку, закрывая голову руками. Ему хотелось оказаться где угодно, только не здесь. Пули свистели над головой, пахло порохом и гарью.

— Где этот салага? — заорал боцман. — Дима! В укрытие!

Но Дима уже не слышал. Он заметил, что пираты прорвались на палубу, и рядом никого из своих. Кто-то упал замертво. Дима вскочил и побежал к противоположному борту, надеясь спрятаться за шлюпкой. Споткнулся о что-то и упал.

Это был меч.

Старый абордажный клинок, наверное, висевший в каюте капитана как украшение, теперь валялся на палубе, выбитый из креплений взрывной волной. Дима схватил его, не понимая зачем. Рукоять была холодной, скользкой от дождя. Он никогда не держал настоящего оружия, тем более меча.

Пират, преследовавший его, выскочил из дыма. Он был огромен, в чёрном плаще, с секирой в руке. Увидев Диму с мечом, он рассмеялся и занёс секиру.

— Молись, щенок, — прохрипел он.

В этот миг что-то произошло. Дима не понял, что именно. Внутри него, где-то под рёбрами, словно разжалась пружина. Страх исчез. Осталась пустота, а в ней — ожидание. Он вскочил, поднял меч над головой. Не для удара. Просто поднял, как свечу, глядя на пирата.

Молния ударила в клинок.

Это был не тот небрежный разряд, что мечется между небом и водой. Это был огненный столб, который спустился с рёвом, разорвав тьму. Дима почувствовал, как сквозь пальцы, сквозь каждую клетку тела прошёл ток. Боль была нечеловеческой — будто его сжигали заживо, но в то же время он видел каждую ветку молнии, каждую искру. И слышал крик пирата, который превращался в шипение.

Свет ослепил. Корабль сотрясся, доски под ногами треснули. Дима хотел разжать пальцы, но не мог. Тело больше не слушалось. Последнее, что он увидел — как его собственная рука светится изнутри, а молнии бегут по ней, как змеи, к плечу, к груди.

Потом тьма накрыла его мягко, как одеяло.

Он очнулся уже в больнице. Но это будет позже. А пока — тишина.

1.3 Больница

Сознание возвращалось медленно. Сначала звуки: монотонный писк, где-то далеко шаги, приглушённые голоса. Потом ощущения: простыня, слишком жёсткая, запах лекарств, что-то холодное в руке — капельница. Дмитрий попытался открыть глаза, но веки были тяжёлыми, словно налиты свинцом.

— Он шевелится, — сказал кто-то рядом. Женский голос, спокойный.

Дмитрий наконец разлепил глаза. Белый потолок, белые стены, запах хлорки. Палата небольшая, на две койки, вторая пустует. Рядом стоит медсестра в белом халате, что-то записывает в карту.

— Где я? — голос хриплый, будто он не говорил несколько дней.

— Городская больница, — ответила медсестра, не поднимая головы. — Вас доставили три дня назад. С корабля.

Три дня. Дмитрий попытался сесть, но боль в груди и плече прижала обратно к подушке. Он зашипел и замер, переводя дыхание.

— Не дёргайтесь, — медсестра наконец взглянула на него. — У вас ожоги, сотрясение, несколько переломов. Вам повезло, что выжили. Вас ударила молния.

— Молния, — повторил Дмитрий. В голове мелькнул обрывок: меч, поднятый к небу, вспышка, боль. — Корабль?.. Остальные?

— Ваш корабль потоплен штормом, — медсестра отвечала ровно, будто заученную сводку. — Часть команды спасена. Ваш друг, Лёша, в соседней палате. Жив. Можете радоваться.

Дмитрий выдохнул. Лёшка жив. Это уже что-то.

— А пираты? — спросил он. — Их поймали?

Медсестра удивлённо подняла брови: — Какие пираты? Спасатели нашли только обломки вашего судна. Шторм, обычный шторм. Вы, наверное, бредили.

Дмитрий хотел возразить, но в голове всё смешалось. Может, ему показалось? Или это был бред? Он помнил лица, помнил выстрелы, помнил, как пират заносил секиру. Слишком ярко для бреда.

— Я хочу поговорить с Лёшкой, — сказал он твёрдо.

— Завтра. Сейчас вам нужен покой. — Медсестра поправила капельницу и вышла.

Дмитрий остался один. Он лежал, глядя в потолок, и пытался собрать воспоминания в цепочку. Шторм. Пираты. Выстрелы. Он спрятался, потом нащупал меч... А дальше — свет, огонь, боль. Всё остальное — провал.

Он поднял левую руку, ту, которая держала клинок. Она была перебинтована, под бинтами чувствовалось жжение. Но когда Дмитрий пошевелил пальцами, ему показалось, что кончики пальцев слегка светятся, будто под кожей пробежала искра. Он зажмурился и снова открыл глаза. Нормально. Показалось.

Ночью ему снился шторм. Он стоял на палубе, один, вокруг бушевало море, а над головой клубились тучи, пронизанные молниями. Одна из них ударила прямо в него, и он проснулся в холодном поту, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Но боли не было. Было странное спокойствие, как будто внутри поселилось что-то, что ждало своего часа.

Утром пришёл врач — пожилой, с усталыми глазами, в накрахмаленном белом халате. Он осмотрел Дмитрия, послушал лёгкие, задал стандартные вопросы: как зовут, сколько пальцев видит, помнит ли, что случилось.

— Молния, — повторил Дмитрий. — Меня ударила молния.

— По данным спасателей, разряд попал в мачту. Вас отбросило взрывной волной. Вы получили сильные ожоги, сотрясение и несколько переломов, но, к счастью, сердце не остано-

вилось, — врач говорил ровно, будто перечислял пункты инструкции. — Удивительно, что вы вообще выжили. Можете считать это чудом.

Чудом. Дмитрий невесело усмехнулся. Он вспомнил тот миг, когда поднял меч. Это было не чудо. Это было что-то другое. Что-то, что до сих пор жгло пальцы изнутри.

— Можно мне повидать Лёшу? — спросил он.

— Через час, — врач кивнул. — Но не утомляйтесь. И не вздумайте вставать.

Через час медсестра в белом халате — молодая, с усталым лицом — помогла Дмитрию пересесть на инвалидное кресло. Он чувствовал себя беспомощным, но любопытство было сильнее.

Лёшка лежал в соседней палате. Его лицо было исцарапано, одна рука загипсована, но глаза смотрели живо и даже весело.

— Вечерский! — обрадовался он. — А я думал, тебя конец. Говорят, тебя молнией шарахнуло. Теперь ты главная легенда корабля.

— Корабль... — Дмитрий поморщился. — Что с ним? — Потоплен, — Лёшка помрачнел. — Шторм добил. Спасатели нашли нас в шлюпках. Дед Степаныч... — он замолчал, отвёл взгляд. — Не выжил.

Дмитрий сжал подлокотники кресла. Перед глазами на миг встало лицо старого канонира, протягивающего саблю.

— А пиратов не нашли? — спросил Дмитрий, надеясь услышать хоть что-то, что подтвердит его память.

Лёшка удивлённо взглянул на него: — Дим, какие пираты? Там был шторм. Самый обычный шторм. Ты ударился головой, вот тебе и мерещится. Врачи сказали, галлюцинации бывают.

— Но я помню! — голос Дмитрия сорвался. — Они были на палубе, выстрелы... я видел пирата, он занёс надо мной секиру!

— Дим, — Лёшка вздохнул. — Мы просто попали в шторм. Никаких пиратов. Спасатели никого не нашли. Ни одного чужого следа. Тебе показалось.

Дмитрий хотел спорить, но осекся. В словах Лёшки была своя правда: если бы были пираты, их бы нашли. Или они ушли. Или... Или то, что он видел, было не сражением, а чем-то другим. Чем-то, что никто больше не заметил.

— Ладно, — выдавил он. — Наверное, показалось.

В палату вошла медсестра — уже другая, тоже в белом халате, с русой косой.

— Больным пора отдыхать, — сказала она твёрдо. — Вечерский, я отвезу вас обратно.

Лёшка успел шепнуть перед уходом: — Ты главное не парься. Выжили — уже хорошо. А всё остальное... может, и правда было. Но сейчас это уже не важно.

Дмитрий кивнул, но внутри всё сжималось. Он знал, что не ошибся. И это знание росло в нём, пульсировало под бинтами, жгло пальцы.

Ночью, когда в палате погас свет, он долго лежал с открытыми глазами.

Потом медленно, стараясь не шуметь, высвободил левую руку из-под одеяла. В темноте больничной палаты ему показалось, что пальцы действительно светятся — слабым голубоватым свечением. Он замер, боясь дышать. Свечение погасло.

«Показалось», — подумал он. Но тепло внутри не уходило. Оно ждало.

1.4 1480 год. Война между людьми и магами

Дом стоял на отшибе, в глухом лесу, сам казался живым. Стены из грубого камня давно почернели от времени и копоти, окна затянула паутина, но внутри ещё теплился огонь. Последний очаг в мире, где магов выжигали калёным железом.

Внутри пахло сыростью, старой древесиной и чем-то сладковатым — травами, которые Рита развешивала у печи. Мебель была простая: грубый стол, пара лавок, люлька для младшего. На стене висела карта, испещрённая знаками, которые обычный человек не смог бы прочесть. Свечи оплывали, бросая танцующие тени на лица.

Максим стоял у окна, вглядываясь в темноту. Его правая рука висела плетью — старая рана, полученная в прошлом бою, не заживала до конца. Он прикрывал её полой плаща, стараясь не показывать боли.

— Быстрее забирай детей и уходим отсюда, они уже идут, — сказал он не оборачиваясь. Голос был спокойным, но Рита знала эту интонацию. Так говорят, когда боятся не за себя.

— Максим, я так не могу, — она подошла к нему, положила ладонь на плечо. — Вечно бегать, они постоянно нас находят. Я устала.

Он резко обернулся, схватил её за руку. В глазах — отчаяние и что-то ещё, что она не решалась назвать надеждой.

— Рита, успокойся. Всё наладится. В этот раз мы уйдём туда, где нас никто не найдёт. Собирай вещи.

Свечи мигнули. Пламя дрогнуло, вытянулось, словно кто-то сделал вдох, и погасло. В комнате повисла пугающая тишина — даже сверчки за окном умолкли. Тьма стала плотной, липкой, и в ней почудилось движение.

— Они уже здесь... — прошептал Максим. — Бери детей и уходи скорее. Я их задержу.

— Ты ещё не восстановился с прошлого раза, — Рита не отпускала его руку. — Давай уйдём все вместе, подадим сигнал о помощи нашим.

— Нет. Наших осталось совсем немного. Подав сигнал, мы только дадим «им» информацию о них.

Входная дверь начала медленно открываться. Из образовавшейся щели потянулся густой чёрный туман. Он не клубился, как дым, а стелился по полу, словно живое существо, ощупывающее пространство. В нём угадывались очертания — пальцы, лица, которые нельзя было разглядеть, но чувствовалось их присутствие.

— БЕГИ! — Максим вскрикнул и принял боевую стойку. Он выбросил вперёд здоровую руку, и между его пальцами вспыхнул слабый голубоватый свет. Он бил не в туман, а в пол перед собой, чертя линию, которую тьма не могла пересечь. Но свет угасал слишком быстро — рана давала о себе знать, силы уходили.

Рита, не оглядываясь, побежала в комнату, где спали дети. Два мальчика.

Старший, Тимофей, пяти лет, спал на узкой лавке, укрытый старым одеялом.

Младший, которому не было и года, лежал в люльке, подвешенной к потолку. Рита схватила Тимофея за плечо:

— Тимофей, вставай. Бери брата и уходим.

Мальчик открыл глаза. Зелёные, яркие, в темноте они светились собственным светом — как у отца. Он не заплакал, не закричал, только молча кивнул и спрыгнул с лавки. Мать сунула ему в руки младшего, закутанного в тряпье.

— Мама, где папа? — спросил Тимофей, прижимая брата к груди.

— С ним всё будет хорошо, милый. Сейчас нам нужно думать о се...

Чёрный туман, появившийся резко из ниоткуда, обогнул её тонкую шею. Он сгустился, принял форму руки, сжимающей горло. Из тьмы проступила фигура — высокая, бестелесная,

с лицом, которое невозможно было запомнить. Голос звучал отовсюду, проникая в голову, в самые глубины.

— Себе? Вы теперь не сбежите от меня.

Рита рванулась, но хватка была мёртвой. Она смотрела на сына, и в её глазах стоял такой страх, какого Тимофей не видел никогда. Мальчик попятился, прижимая брата.

В этот момент дверь комнаты вылетела с треском. Максим ворвался внутрь, с разбегу ударив здоровой рукой по сгустку тумана. Свет вспыхнул ослепительно — фигура на миг отпустила Риту, взвыла, разлетаясь клочьями. — Беги! — закричал Максим, хватая жену за руку. — Беги, я прикрою!

Рита схватила Тимофея за плечо, вытолкнула его в коридор. Сзади слышался треск, шипение, голос мужа, повторяющий слова на языке, который люди давно забыли. Она не оборачивалась. Бежала, не разбирая дороги, через чёрный коридор, в разбитую дверь, в ночь.

Лес встретил их холодом и тишиной. Деревья стояли плотной стеной, но Рита знала здесь каждую тропу. Она тащила Тимофея за руку, не давая ему остановиться, пока за спиной не стихли звуки боя. Только тогда она рухнула на колени, прижимая к себе обоих сыновей.

— Мама, папа... — начал Тимофей, но она закрыла ему рот ладонью.

— Тише. Мы должны идти дальше. Нам нужна помощь.

Она не знала, куда идти. Их союзников почти не осталось, укрытия были сожжены. Но в деревне, что лежала в трёх милях к востоку, жил человек, о котором ходили слухи. Говорили, он не примкнул ни к одной стороне, но хранил старые знания.

Они вышли к околице, когда небо начало светлеть. Домишко стоял на отшибе, покосившийся, заросший плющом. Рита постучала — и дверь открылась почти сразу, словно её ждали.

На пороге стоял старик в длинном плаще, с книгой под мышкой. Гримуар. Рита узнала его по тусклому свечению, которое не могла скрыть даже плотная кожа переплёта.

— Помоги нам, — выдохнула она. — Я заплачу. Чем угодно.

Старик посмотрел на неё, на детей, на дорогу, по которой они пришли. Вдохнул.

— Я не могу спасти тебя, — сказал он тихо. — Туман уже нашёл твой след. Он будет идти, пока не достигнет. Я могу спасти только детей. Но память придётся стереть. Иначе они не выживут в мире, куда я их отправлю.

— Отправишь? Куда?

— В другое время. Туда, где магия стала сказкой. Они вырастут обычными людьми, не зная, кто они. Это единственный шанс.

Рита смотрела на сыновей. Тимофей прижимал к себе брата, и его глаза светились в предраассветных сумерках. Она упала на колени, обняла их обоих, чувствуя, как слёзы текут по щекам.

— Я согласна, — прошептала она. — Только пусть они будут живы.

Старик раскрыл гримуар. Страницы зашелестели сами, подчиняясь незримому ветру. Он заговорил — негромко, но слова будто проникали в самую суть вещей, перекраивая реальность. Рита чувствовала, как память о ней начинает выцветать, ещё минуту — и она станет для сыновей пустотой.

— Мама? — Тимофей посмотрел на неё с недоумением, его глаза начали тускнеть.

— Всё хорошо, мой хороший, — прошептала она, целуя его в лоб. — Всё будет хорошо. Вспышка. И детей не стало. Тишина.

Старик закрыл книгу, покачал головой и, не оборачиваясь, ушёл в дом. Дверь закрылась.

Рита осталась одна на околице. Она поднялась, вытерла лицо и посмотрела на восток, где занимался новый день. А потом медленно пошла обратно в лес.

Она прошла недалеко. Чёрный туман встретил её на тропе, неспешно стелясь между деревьями. На этот раз он не душил, не принимал чужую форму. Он просто обнял её, холодный, плотный, и она, устало закрыв глаза, шагнула в него. Туман сомкнулся, и тропа опустела.

1.5 Кошмар

Дмитрий спал тревожно. Во сне он снова был на корабле, но шторма не было. Вокруг клубился плотный, влажный туман, сквозь который едва пробивался свет. Он шёл вперёд, не чувствуя под ногами палубы, пока туман не начал рассеиваться, открывая странную картину.

Он видел женщину. Она стояла на берегу бурной реки, её руки были воздеты к небу, и вода вздымалась перед ней, образуя прозрачную стену, отражавшую лунный свет. Она шевелила пальцами, и вода повиновалась, переливаясь жидким стеклом. Её лицо было спокойным, но в глазах читалось отчаяние. Где-то рядом слышались крики, треск, запах гари.

Потом картина сменилась. Мужчина, высокий, с перевязанной рукой, стоял на коленях среди каменных руин. Он выбросил вперёд здоровую ладонь, и воздух вокруг загудел. Ветви деревьев пригнулись к земле, камни взлетели, и невидимая сила отбросила прочь наступающую тьму. Но мужчина упал, не в силах подняться. Его лицо исказила боль.

Дмитрий хотел подойти ближе, но туман сгустился снова, и всё исчезло.

Он проснулся рывком, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. За окном было ещё темно, но в палате горел ночник. Дмитрий провёл ладонью по лицу, стирая холодный пот.

Кто это был? — подумал он. Лица не запомнились, но чувство, что он знает этих людей, не проходило. Он смотрел в потолок, пытаясь удержать обрывки сна, но они таяли, как дым. Осталась только боль в груди — не физическая, а какая-то другая, глубокая. Он никому не рассказал о сне. Утром, когда медсестра спросила, как спалось, он только кивнул и отвернулся к стене.

День полнолуния Дмитрий заметил сразу. С утра тело налилось тяжестью, голова гудела, каждый звук казался слишком громким. К обеду его начало знобить, хотя температура была нормальной. Врач пожал плечами: «После такого удара молнией странно, что вы вообще живы. Нервная система восстанавливается, бывает слабость».

Но Дмитрий чувствовал: это не просто слабость. Это что-то другое. Он смотрел в окно, где медленно поднималась луна, и внутри него, там, где затихло жжение после удара молнии, начинало зарождаться тепло.

Ночью он проснулся от того, что тело горело. Не просто жаром — будто каждая клетка превратилась в уголёк, тлеющий изнутри. Он хотел закричать, но голос пропал. Хотел дёрнуться, сбросить одеяло, скатиться с кровати — но мышцы окаменели, не слушались.

Лунный свет лежал на его груди, на руках, на лице — белый, плотный, почти осязаемый. Там, где он касался кожи, начиналось нечто невыносимое. Дмитрий чувствовал, как его кости ноют, будто их ломают и складывают заново. Связки растягиваются, рвутся и срываются. Мышцы горят, сокращаются судорогой, отпускают и снова сжимаются в огненных узлах. Он попытался вдохнуть, но лёгкие сдавило, и вырвался только беззвучный хрип.

Боль была повсюду. Она текла по венам вместе с кровью, застревала в суставах, пульсировала в кончиках пальцев. Дмитрию казалось, что его выворачивают наизнанку, сдирают старую кожу и натягивают новую, ещё сырую. Пот заливал глаза, но он не мог даже моргнуть. Он только смотрел в потолок, где плясали блики луны, и считал удары собственного сердца, которые отдавались в висках молотами.

А потом всё кончилось. Так же внезапно, как началось. Боль схлынула, оставив после себя странную лёгкость и пустоту. Тело больше не принадлежало ему — оно стало чем-то новым, лёгким, послушным. Дмитрий судорожно выдохнул, чувствуя, как воздух входит в лёгкие свободно, без помех. Он медленно поднял руку, разжал и сжал пальцы — они слушались. Ни дрожи, ни слабости.

Он лежал, глядя в потолок, и не мог пошевелиться ещё несколько минут — не от боли, а от изумления. Потом медленно сел, провёл ладонью по груди, по рукам. Там, где вчера были бинты, теперь только чистая кожа. Он стянул повязку с левой ладони — рубец, оставшийся от удара молнии, превратился в тонкую бледную линию, будто заживал неделями, а не за одну ночь.

Дмитрий перевёл взгляд на окно. Луна уже уходила за край неба, и её свет больше не касался его. Он не знал, что это было. Но внутри засело твёрдое, пугающее понимание: это не конец. Это только начало.

Утром врач стоял над койкой, перелистывая историю болезни. Его лицо было растерянным, даже испуганным.

— Невозможно, — повторил он несколько раз. — У вас были ожоги второй степени, перелом ключицы, сотрясение. Я сам перевязывал вас вчера вечером. А сегодня...

Он поднял глаза на Дмитрия. Тот сидел на кровати, чувствуя себя так, будто не было ни удара молнии, ни трёх дней в больнице. Тело было лёгким, мышцы — наполненными силой. Только лёгкий рубец на левой ладони напоминал о том, что случилось.

— Может, вы ошиблись, — спокойно сказал Дмитрий. — Сейчас я здоров. Выпишите меня.

— Это невозможно! — Врач повысил голос. — Такого не бывает. Мы должны провести обследование, понять, что произошло. Это уникальный случай, это...

— Я отказываюсь, — Дмитрий встал. Он не знал, почему ему так важно уйти. Но внутри нарастала тревога. Ему нужно было побыть одному, понять, что с ним происходит. — Я чувствую себя хорошо. Выпишите бумаги.

Врач ещё пытался спорить, звонил заведующему, уговаривал остаться хотя бы на день. Но Дмитрий был непреклонен. К полудню он получил выписку, забрал вещи, которые привезли с корабля (немного: смену белья, старый рюкзак, да бумажник), и вышел из больницы.

Квартира, которую он снимал в портовом городе, встретила его запахом пыли и пустотой. Дмитрий бросил рюкзак на диван, прошёл на кухню, включил чайник. Где-то в глубине души жила мысль, что он должен что-то понять. Сон про женщину и мужчину, которые управляли водой и ветром, не выходил из головы.

Он сел за стол, открыл ноутбук. Набрал в поиске: магия воды, магия ветра, средневековые легенды, войны магов. Ничего. Только сказки, только выдумки.

Чайник закипел. Дмитрий встал, заварил себе крепкий чай, вернулся к столу. Экран ноутбука уже погас. Он посмотрел в окно — за ним ступались сумерки. Мысли путались, тело требовало отдыха, хотя он и чувствовал себя здоровым.

Он допил чай, выключил компьютер и пошёл в спальню. Лёг, не раздеваясь, глядя в потолок. Сон, больница, странное исцеление — всё это не укладывалось в голове. Но усталость брала своё. Дмитрий закрыл глаза и провалился в темноту.

1.6 Естественная магия

Утро началось с того, что Дмитрий проснулся от тишины. Это было странно: обычно в старом доме что-то гудело, шуршало, потрескивало. Холодильник, трубы, ветер за окном — привычный шум, на который перестаёшь обращать внимание. А сейчас было тихо. Даже слишком. Он лежал, глядя в потолок, и слушал. Ничего. Ни гула холодильника, ни щелчков отопительной системы.

Только собственное дыхание и где-то далеко за окном — шум машин.

Он сел на кровати, потянулся. Тело слушалось идеально, будто не было ни перелома, ни ожогов, ни трёх дней в больнице. Он сжал кулак, разжал — пальцы слушались, мышцы были наполнены странной лёгкой силой. Даже шрамы на левой ладони почти исчезли, превратившись в тонкие белые линии, которые уже не болели. Дмитрий вздохнул, отбросил одеяло и босиком пошёл на кухню.

На пороге он остановился. Холодильник молчал. Не жужжал, не трещал — просто стоял тёмный и безмолвный. Дмитрий подошёл, приоткрыл дверцу. Внутри было холодно, продукты застыли, но мотор не работал. Странно. Он провёл рукой по верхней панели — никакого тепла. Выключился, что ли? Он сунул вилку в розетку плотнее — без изменений. Потрогал выключатель на самом холодильнике — тот щёлкнул, но мотор не запустился.

— Старьё, — пробормотал он, закрывая дверцу. — Надо было менять.

Он взял чайник, налил воды, поставил на плиту. Включил газ — конфорка зажглась ровным синим пламенем. Пока вода грелась, Дмитрий достал хлеб, масло, нарезал сыр. Пахло уютно, как в детстве, которого у него не было. Он заварил чай, сел за стол, и тут чайник на плите засвистел. Он встал, выключил газ, налил кипятка в кружку. Всё как обычно.

Он откусил бутерброд, и в этот момент холодильник снова ожил. Мотор загудел, где-то внутри что-то щёлкнуло, и знакомый ритмичный звук наполнил кухню. Дмитрий обернулся, пожал плечами. Перепады напряжения, наверное.

Он доел завтрак, вымыл посуду и решил проверить розетку на кухне — мало ли, контакты отошли. Взял мультиметр, сунул щупы в гнездо. Стрелка показала нормальные 220 вольт. Он хотел уже убрать прибор, но почувствовал, как кончики пальцев левой руки — той самой, что держала меч — начали покалывать. Осторожно, будто сквозь кожу проходил слабый электрический ток. Он отдёрнул руку, посмотрел на пальцы. Ничего. Обычные пальцы. Но покалывание не прекращалось, даже когда он отошёл от розетки.

Он потряс кистью, сжал и разжал кулак. Покалывание прошло, оставив после себя странное ощущение тепла.

— С ума схожу, — тихо сказал он сам себе и пошёл в комнату.

Он прошёл мимо компьютера, и тот сам включился. Монитор вспыхнул белым светом, системный блок загудел вентилятором. Дмитрий замер, не дыша. Он не нажимал кнопку. Он даже не касался стола. Компьютер просто включился, и на экране замигал курсор на чёрном фоне. В комнате стало светлее — и он понял, что зажглась и люстра. И торшер в углу. И настольная лампа. Вся электроника в комнате работала, и в этом работающем свете, гуле вентиляторов, потрескивании ламп было что-то нечеловеческое.

Дмитрий сделал шаг вперёд, протянул руку к кнопке питания на системном блоке. Компьютер выключился сам. Одновременно погасла люстра, лампа, торшер. Наступила тишина, такая же плотная, как утром на кухне. Дмитрий стоял посреди комнаты, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. В голове вертелось одно слово: электричество. Оно шло откуда-то изнутри, из него самого. Он вспомнил ночь в больнице, лунный свет, боль, а потом — это странное ощущение, будто в груди кто-то разжёл маленькое, но очень горячее пламя. Оно не жгло, оно просто было там, готовое по первому зову выплеснуться наружу.

Он не стал проверять, что произойдёт, если он действительно захочет включить свет. Ему стало страшно. Не от того, что он мог что-то сломать, а от того, что это «что-то» было частью его самого, и он не понимал, как с этим жить.

Он сел на диван, обхватил голову руками. Мысли путались. Сон про женщину и мужчину, которые управляли водой и ветром. Удар молнии, который не убил, а словно разбудил что-то. Ночное исцеление. И теперь электричество. Он не верил в магию. Он вообще ни во что не верил, кроме фактов, цифр и того, что можно пощупать. Но факты были: он чудесным образом выжил после молнии, он вылечился за одну ночь, и теперь электроприборы включались, когда он проходил мимо. Факты, чёрт возьми.

Он просидел так минут десять, потом решил, что так дальше продолжаться не может. Нужно искать информацию. Он не знал, что именно, но где-то в глубине души тлела уверенность: ответы существуют, надо только найти.

Он открыл ноутбук — тот включился нормально, кнопкой. Дмитрий вздохнул с облегчением и начал поиск. «Спонтанное воздействие на электронику» — куча ссылок про полтергейст, статическое электричество, нервные расстройства. Он пролистал, закрыл. «Магия воды и ветра» — сказки, фэнтези, истории для детей. «Молния ударила в человека последствия» — медицинские статьи про ожоги, остановку сердца, редкие случаи выживания. Ничего похожего на то, что случилось с ним.

Он уже хотел закрыть ноутбук, когда заметил ссылку на букинистический форум. Человек искал старинную книгу о «природных стихиях в оккультизме». В ответе ему дали адрес частной библиотеки на окраине города. Книга была на латыни, без перевода, но человек писал, что видел в ней гравюры с изображениями людей, которые управляли ветром, водой, огнём. Дмитрий перечитал сообщение несколько раз. Сердце забилось быстрее.

Он посмотрел на часы. Было ещё утро, до вечера далеко. Он решил ехать сейчас же, не откладывая.

Библиотека оказалась маленьким двухэтажным особняком, зажатым между новостройками. Его почти не было видно с улицы — спрятался за старыми липами, которые чудом уцелели при застройке. Дмитрий прошёл по выложенной камнем дорожке, толкнул тяжёлую дубовую дверь. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковатым — может, травами, может, воском. Полки уходили вверх до самого потолка, и чтобы достать верхние ряды, нужна была лестница на колёсиках.

Хозяин оказался стариком с густыми седыми бровями и цепкими глазами. Он выслушал просьбу, долго копался в картотеке, шелестел пожелтевшими карточками, потом исчез в подсобке и вернулся с тяжёлым томом в кожаном переплёте. Кожа была тёмной, потёртой, с выцветшими буквами на корешке.

— «De Magia Naturali», — прочитал он вслух, открывая титульный лист. — На латыни. Шестнадцатый век. Автор — монах, который собирал легенды о магах, повелевающих стихиями. Писал, что сам встречал таких. Но, — старик поднял палец, — наука его не признала. Книга долго была под запретом. Переводов на русский нет, только оригинал.

— Можно посмотреть? — спросил Дмитрий, чувствуя, как пересохло во рту.

— Смотри, — старик протянул книгу. — Только осторожно, страницы ветхие.

Дмитрий взял том. Тяжёлый, с приятной шершавой поверхностью. Открыл наугад. Страницы были жёлтыми, края потрескались, шрифт — старинный, с вязью, буквы прыгали перед глазами. Но гравюры были чёткими. На одной — человек с воздетыми руками, вокруг него вихри и молнии. На другой — женщина, стоящая на скале, а перед ней — огромная волна, готовая рухнуть на невидимый берег. Дмитрий задержал дыхание. Это были они. Те самые люди из его сна.

Он перелистнул ещё несколько страниц. Текст был плотным, без картинок.

Он попробовал прочитать вслух, но латынь была для него мёртвым языком. Удалось разобрать только несколько слов, которые показались знакомыми: *ventus* — ветер, *aqua* — вода, *ignis* — огонь. И ещё одно: *fulgur* — молния.

— Беру, — сказал он, не спрашивая цены. — Сколько?

Старик назвал сумму, и Дмитрий отдал деньги, не торгуясь.

Дома он сел за стол, раскрыл книгу и принялся разглядывать рисунки, пытаясь угадать смысл по картинкам. На одной был воин, из ладоней которого вырывался ветер, срывающий паруса с корабля. На другой — женщина, стоящая на коленях, и вода, бьющая из земли у её ног.

Он перелистнул ещё несколько страниц. Там была гравюра: воин, из ладоней которого вырывался ветер, срывающий паруса с корабля. На другой — женщина, стоящая на коленях, и вода, бьющая из земли у её ног. На третьей — мужчина, выбросивший вперёд руку, и из его ладони вылетал сгусток воздуха, отбрасывающий врагов. Дмитрий задержал взгляд, чувствуя смутное, тянущее воспоминание, но не мог ухватить его.

Он открыл телефон, нашёл онлайн-переводчик и начал вбивать латинские слова, одно за другим. Получались обрывки, но он упрямо собирал их, как мозаику. «...кто рождён в день грозы...», «...кровь предков, текущая в жилах...», «...стихия выбирает того, кто носит в себе искру...». «...маг природы не учится, он вспоминает...». Дмитрий прочитал это несколько раз. Вспоминает. Значит, то, что с ним происходит, — не новое. Это старое. Очень старое. То, что было в нём всегда, просто спало.

Он перевёл ещё несколько абзацев. Там говорилось о двух родах магов: те, кто заключает pact с духами и использует заклинания, записанные в книги — их называли гримуарниками; и те, кто повелевает стихиями силой своей крови — природные маги. Гримуарников было много, они жили среди людей, скрываясь. Природных же осталось мало, их кровь слабела с каждым поколением, и только в редких, случайных детях она просыпалась с новой силой.

Он перелистнул ещё, нашёл гравюру с человеком, поднявшим руку к небу. Над его раскрытой ладонью сгущалась туча, и из неё била молния, уходящая ввысь, не касаясь земли. Внизу было подписано: *Fulgur eligit* — молния выбирает. Дмитрий сжал левую ладонь, провёл пальцем по тонкому шраму. Молния выбирает. Выбрала его.

Дмитрий закрыл книгу, откинулся на спинку стула. Голова гудела, глаза слезились от напряжения. За окном уже смеркалось, солнце село, и в комнате было почти темно, только слабо светился экран ноутбука. Он не заметил, как прошёл день.

Он понял только одно: то, что с ним происходит, описано в этой книге. Он не сошёл с ума. И он не один такой. Но что делать дальше, он не знал. В книге не было инструкции, как управлять этой силой. Только намёки, обрывки, рисунки. И одно слово, которое застряло в голове: вспоминать.

Он сидел в темноте, чувствуя, как внутри, под рёбрами, тлеет искра. Она ждала. И он знал, что это только начало.

1.7 конфликт с реальностью

Прошла неделя. Дмитрий почти не выходил из дома. Книга лежала на столе, заложённая несколькими закладками, но он уже не открывал её. Латынь не шла, слова путались, а переводчик выдавал бессмысленные обрывки. Он чувствовал, что должен что-то делать, искать, пробовать, но внутри росла глухая усталость, которая не проходила даже после долгого сна.

В пятницу он заставил себя позвонить по объявлению о работе. Требовался администратор в небольшой офис на другом конце города. Женщина по телефону говорила приветливо, назначила собеседование на понедельник. Дмитрий повесил трубку и долго смотрел на свои руки. Левая ладонь больше не покалывала, но шрам на ней казался чуть ярче, чем накануне.

В понедельник он надел единственную рубашку без пятен, причёсался и вышел из дома. На улице было свежо, солнце светило по-весеннему ярко. Он старался не думать о том, что случилось. Не думать о корабле, о молнии, о книге. Он просто шёл к метро, вдыхая запах мокрого асфальта и слушая шум города. Это было почти нормально.

Офис оказался в старом бизнес-центре. Лифт скрипел, пахло пылью и офисной бумагой. Дмитрий поднялся на четвёртый этаж, зашёл в приёмную. Секретарь, девушка с короткой стрижкой, мельком взглянула на него и кивнула на стул:

— Подождите, начальник скоро выйдет.

Он сел. Ждал. Тишину нарушало только гудение компьютера и монитора на столе секретаря. Дмитрий смотрел на экран, где бежали строки какого-то текста, и чувствовал, как в груди снова начинает разгораться знакомое тепло. Он зажмурился, сжал кулаки. Не сейчас. Не здесь.

— Проходите, — девушка приоткрыла дверь в кабинет.

Начальник оказался полным мужчиной с блестящей лысиной. Он задавал стандартные вопросы: где работал раньше, знает ли программы, есть ли права. Дмитрий отвечал, стараясь говорить спокойно, но каждое слово давалось с трудом. Вдруг монитор на столе начальника мигнул. Раз, другой. Изображение пропало, потом появилось снова.

— Старьё, — буркнул мужчина, стукнул по клавиатуре. — Давно пора менять.

Дмитрий сжал пальцы под столом, чтобы не видно было дрожи. Он чувствовал, как искра внутри пульсирует в такт сердцу. Ещё немного, и она вырвется.

— Я вам позвоню, — сказал начальник, даже не взглянув на него. — Следующий.

Дмитрий вышел в приёмную, быстро прошёл мимо секретарши, которая даже не подняла головы. В лифте он прислонился к стене и выдохнул. Всё. Не позвонит, конечно. Он и сам не хотел, чтобы позвонили.

Вечером он встретился с Лёшкой. Друг звонил уже несколько раз, предлагал выпить, отвлечься. Дмитрий долго отнекивался, но потом согласился. Они сидели в дешёвом баре у вокзала, пили пиво. Лёшка рассказывал о новой работе, о девушке, о том, как в больнице врачи удивлялись его быстрому выздоровлению.

— А ты как? — спросил он, глядя на Дмитрия. — Всё ещё кошмары?

— Нет, — соврал Дмитрий. — Прошло.

— А на работу устроился?

— Пока нет. Думаю.

Лёшка допил пиво, заказал ещё. Потом, помолчав, сказал:

— Слушай, Дим. Ты странный какой-то. После того случая... Ты стал другим. Не обижайся, но я иногда боюсь на тебя смотреть. Как будто внутри у тебя что-то горит.

Дмитрий не ответил. Он смотрел на светящуюся вывеску за окном и чувствовал, как электричество в проводах отзывается в нём. Он знал: стоит только захотеть, и огни погаснут.

— Всё нормально, — сказал он. — Просто устал.

Они ещё посидели полчаса, потом разошлись. Дмитрий шёл домой пустынными улицами и думал о том, что Лёшка прав. Он стал другим. И теперь уже не станет прежним.

Дома он сел за стол, открыл книгу на заложенной странице. Латынь по-прежнему не поддавалась, но он уже не пытался переводить. Он просто водил пальцем по буквам, чувствуя шершавую бумагу. В груди теплело, но спокойно, без напряжения. Он выдохнул и вдруг понял, что хочет выучить этот язык. Не для того, чтобы что-то понять. А чтобы не сойти с ума.

Он нашёл в интернете бесплатные уроки латыни. Начал с алфавита. Слоги не давались, слова не запоминались, но это было лучше, чем сидеть и ждать, когда случится что-то, чего он боялся. Он учил, пока за окном не начало светать. Потом лёг спать, и ему приснилась женщина с рекой в руках. Во сне она смотрела на него и улыбалась.

1.8 Дневник наблюдений. Эксперименты на природе

Дмитрий купил толстую тетрадь в клетку и ручку с синей пастой. На первой странице вывел: «Дневник наблюдений. Опыт №1».

Дальше шло: «Цель: выяснить, могу ли я включать свет силой мысли. Метод: сосредоточиться на люстре. Результат: люстра не зажглась. Однако через минуту замигал холодильник. Вывод: работает не по запросу, а как попало».

Следующие три дня он исписывал страницы. Опыт №2: попробовал не смотреть на технику, а просто пройти мимо. Холодильник замолк, когда он вошёл на кухню. Телевизор в комнате включился, когда он вышел в коридор.

Вывод: техника реагирует на его движение, даже если он не хочет. Опыт №3: надел толстые резиновые перчатки, встал на коврик и потрогал розетку. Ничего. Снял перчатки — лампа на столе вспыхнула и погасла. Вывод: резина изолирует. Значит, это точно электричество.

Он писал, перечитывал, иногда смеялся над собой. В записях появились рисунки: схема квартиры с пометками, где что замыкало. На полях — стрелочки и вопросы: «А если я рассержусь, будет сильнее?», «Можно ли это использовать для подзарядки телефона?» (попробовал — телефон зарядился на 3% за час, но потом выключился и больше не включался, пришлось нести в ремонт).

К концу недели он понял: в квартире экспериментировать опасно. Соседка снизу уже жаловалась на перепады напряжения, а в подъезде дважды вылетали пробки. Нужно было место, где нет людей, техники и, желательно, ничего, что могло бы загореться.

Он выбрался в субботу утром. За городом, километрах в тридцати, был старый карьер, заросший кустарником. Туда редко кто заезжал, а если и заезжал — то рыбаки, которым было плевать на странного парня, размахивающего руками.

Дмитрий оставил рюкзак у дороги и спустился вниз. Вокруг — глина, сухая трава, ни одного столба, ни одного провода. Тишина, только ветер шевелит кусты.

Он встал на ровную площадку, глубоко вздохнул и вытянул руку вперёд.

— Ну, давай, — сказал он вслух. — Стрельни.

Ничего.

Он напрягся, представил, как из пальцев вылетает молния, как в фильмах.

Постарался разозлиться, вспомнил пирата, который занёс над ним секиру. Ничего.

— Может, так? — он выбросил руку в сторону, изобразив бросок. Пальцы дёрнулись, но разряда не было. Только ветерок пробежал по траве.

Он попробовал с другой руки. Потом с двух сразу. Потом вскинул обе руки к небу, как тот маг на гравюре. Постоял минуту. Небо оставалось чистым, молнии не было.

— Ладно, — сказал он, опуская руки. — Молния не моё.

Он решил попробовать летать. Не то чтобы он верил, но раз уж он маг молнии, может, есть какая-то левитация? Он прыгнул, широко разведя руки. Приземлился на ту же глину, подняв облачко пыли.

— Эффектно, — прокомментировал он, отряхивая штаны.

Он попробовал бежать с разбегу и прыгнуть выше. Вышло не выше, чем в детстве, когда они с детдомовскими прыгали через забор.

— Может, я могу создавать шаровые молнии? — спросил он вслух, оглядываясь. Никаких шаров не появилось.

Он присел на корточки, потрогал землю. Вспомнил, что в книге было что-то про «отдавать стихии». Может, нужно не пытаться вызвать молнию, а наоборот, выпустить из себя накопившееся? Он закрыл глаза, представил, как всё тепло, что скопилось в груди, уходит в землю

через ладони. Почувствовал лёгкое покалывание, открыл глаза — из кончиков пальцев посыпались искры, мелкие, как бенгальские огни, и погасли, коснувшись земли.

— Это всё? — спросил он у кустов. Кусты не ответили.

Он поднялся, отряхнул колени. Попробовал ещё раз: сосредоточился, вытянул руку к земле. Искры посыпались снова, чуть ярче, но быстро угасли. Он попытался направить их в сторону, но они просто падали вниз, не долетая до цели.

После получаса таких упражнений он плюхнулся на траву, чувствуя себя одновременно глупо и немного облегчённо. Никаких молний, никаких полётов. Только искры, которые он мог вызвать, только если очень хотел и если рядом не было техники, которая реагировала сама. В сухом остатке: он умеет выключать свет и иногда заставлять искриться пальцы. Сила, конечно, но до мага молнии ему как до луны пешком.

Он достал из рюкзака тетрадь, раскрыл на новой странице и написал:

«Опыт на природе. Попытки: стрельба молнией — 0. Полёты — 0. Шаровые молнии — 0. Искры из пальцев — есть, но слабые. Вывод: пока я могу только влиять на электричество в бытовых приборах и немного искрить. Возможно, для настоящей силы нужны особые условия (гроза? сильные эмоции? полнолуние?). Буду наблюдать».

Он захлопнул тетрадь, сунул её в рюкзак и побрёл к дороге. В кармане завибрировал телефон. Лёшка прислал сообщение: «Ну чё, колдун, свет в подъезде опять моргает, твоя работа?»

Дмитрий усмехнулся, набрал в ответ: «Нет, это соседка микроволновку включила».

Он шёл к автобусной остановке, чувствуя, как внутри всё ещё теплится слабая искра. Не та, что жгла в больнице, а спокойная, будто ждущая. Он пока не знал, чего именно. Но тетрадь была почти полна, и это вселяло странное спокойствие: он хотя бы начал разбираться. А остальное — когда-нибудь потом.

1.9 Друг философ

Лёшка назначил встречу в «Старой башне» — баре, который они облюбовали ещё в бытность курсантами. Заведение находилось в подвале, пахло там пивом и жареной картошкой, а на стенах висели пожелтевшие карты и морские узлы в рамках. Лёшка уже сидел за столиком у окна, крутил в руках меню и делал вид, что изучает его, хотя знал наизусть.

— Димон! — он вскочил, хлопнул друга по плечу. — А я уж думал, ты меня избегаешь. Сидишь в своей норе, чай пьёшь, латынь учишь.

— Не латынь, — буркнул Дима, садясь напротив. — Просто... книгу читаю.

— Ага, — Лёшка хитро прищурился. — Книгу. На латыни. Про магов. Я тоже умею в интернете искать, между прочим.

Дима поморщился, но Лёшка не дал ему сказать:

— Ты не думай, я не осуждаю. После такой молнии любой бы крышей поехал. Главное, чтобы это было безопасно. А то в подъезде свет моргает, соседи говорят — нечисть завелась. А я знаю, какая это нечисть.

— Это не я, — соврал Дима, но вышло неубедительно.

— Да ладно, — Лёшка отмахнулся. — Я ж вижу. Ты с того самого дня... ну, из больницы... странный. Руками машешь, когда никто не видит. Потом говоришь, что у тебя телефон заряжается сам собой. А на днях я зашёл к тебе, а у тебя из пальцев искры сыпались. Я не слепой.

Дима замолчал. Лёшка налил ему пива, подвинул ближе.

— Слушай, — сказал он, понизив голос. — Я тебя не сдам. Мы же кореша. Но я хочу понять. Что ты умеешь? Ты теперь маг? Как в тех книгах?

Дима замялся, потом, решившись, вытянул руку над столом, сосредоточился. Между пальцами пробежала слабая голубоватая искра, лизнула край тарелки с картошкой и погасла. Лёшка вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

— Ничего себе, — выдохнул он. — А ещё что?

— Свет могу выключать, — признался Дима. — Технику ломать. Иногда искрит. Но молнию, как в фильмах, не получается. И летать не могу. Пробовал уже.

— А как ты это делаешь? — Лёшка подался вперёд. — Ты должен понять принцип. Может, это как... ну, как мышцу тренировать? Или как электричество в проводах: нужно направлять, а не просто выпускать.

— Я пробовал. Ничего.

— А ты пробовал... — Лёшка задумался, почесал затылок. — Знаешь, я читал, что магия — это не физика, а психика. Нужно не представлять молнию снаружи, а почувствовать её внутри. Как будто у тебя там батарейка, и

ты её разряжаешь. Или, наоборот, накапливаешь. Ну, как статическое электричество — потрёшься об шерсть, и искра. А ты попробуй потереться мысленно.

— Потереться мысленно? — Дима недоверчиво поднял бровь.

— Ну да. Или медитировать. Медитация помогает. Представь, что ты

— молния. Что ты быстрая, яркая, такая... короче, войди в образ. — Лёшка отхлебнул пива, явно гордясь своей теорией. — Или музыка. Под определённый ритм можно настроиться. Помнишь, в старых фильмах колдуны всегда под бубен танцуют? Может, тебе тоже нужен ритм.

— Ты предлагаешь мне плясать под бубен, чтобы вызвать молнию?

— А почему нет? — Лёшка развёл руками. — Всё, что не запрещено, то разрешено. Наука говорит, что всё есть энергия и вибрация. Значит, надо поймать свою вибрацию. Может, у тебя частота не та.

Дима засмеялся. Лёшка поддержал, но потом вдруг посерьёзnel.

— Дим, я серьёзно. Я думаю, ты просто пока не нашёл свой способ. Может, тебе не нужно «стрелять молнией». Может, ты можешь что-то другое. Ну, например, заряжать аккумуляторы. Или чувствовать электричество. Или защищать от него. Ты же сам говорил, что после удара выжил — может, это и есть твой дар: ты неуязвим для электричества? А всё остальное — баловство.

Дима задумался. В словах Лёшки было что-то, что зацепило. Неуязвимость? Он не верял. И про частоту — тоже. Может, действительно, нужно не пытаться насильно выжать из себя молнию, а просто слушать то, что происходит внутри.

Они ещё посидели, выпили по второй кружке, поговорили о работе, о девушках, о том, что скоро лето. Лёшка ушёл первым — сказал, что завтра рано вставать. Дима остался один, допил остывшее пиво и долго сидел, глядя в окно на редкие машины. Слова друга крутились в голове: «Почувствуй внутри», «Найди свою частоту», «Может, ты не маг молнии, а что-то другое».

Дома он сел за компьютер, открыл на полную громкость плеер и начал перебирать музыку. Под ритмичную электронику зажмурился, пытаясь уловить ту самую «частоту». Ничего не почувствовал. Включил классику — тишина. Рок — сердце забилося чаще, но искр не было. Он выключил музыку, сел в темноте, слушая тишину. И вдруг, сам не зная зачем, представил себя внутри провода. Не человека, а ток, бегущий по медной жиле. Быстро, легко, без усилий. Ему показалось, что в груди что-то щёлкнуло, и кончики пальцев потеплели. Он открыл глаза — монитор мигнул раз, другой, потом погас. В комнате стало темно.

— Ну, хоть что-то, — прошептал он, чувствуя, как внутри разливается странное спокойствие.

Он достал тетрадь, открыл новую страницу и написал: «Мысль Лёши: возможно, дело не в силе, а в резонансе. Попробую в следующий раз не стрелять, а „течь“. И ещё проверить, правда ли я не боюсь электричества. Если да — это уже не баловство».

Он закрыл тетрадь, лёг на диван и долго смотрел в потолок, прислушиваясь к себе. В груди по-прежнему было тепло, но теперь оно не казалось чужим. Он решил, что завтра же попробует новый подход — не на пустыре, а там, где есть электричество, которое можно «почувствовать». И, может быть, сходить в магазин электротоваров за каким-нибудь старым проводом, чтобы экспериментировать без риска для дома.

А пока он просто лежал и улыбался. Лёшка — дурак, конечно, но иногда его дурацкие идеи оказываются не такими уж дурацкими.

Он пытался уснуть, но не смог. Вместо этого сел на полу в центре комнаты, выключил свет. В полной темноте было легче прислушиваться к себе. Тихо. Только холодильник на кухне мерно гудел, да где-то за стеной шуршали соседи.

Дима вытянул руку к ближайшей розетке. Не прикасаясь, просто держа ладонь на расстоянии. Вспомнил слова Лёшки: «Почувствуй внутри». Закрыл глаза. Представил себя не человеком, а током. Тонкой медной жилой, по которой бежит электричество. Ни страха, ни желания стрелять молнией — только движение. Плавное, непрерывное.

Он почувствовал, как кончики пальцев начали покалывать. Не как от удара током, а как от прикосновения к чему-то живому. Он открыл глаза. В розетке что-то слабо засветилось — не лампочка, а сам пластик, словно внутри пробежал разряд. Он отдёрнул руку, но свет погас не сразу, а постепенно, словно нехотя.

— Есть, — прошептал он.

Он подошёл к торшеру, вынул лампочку, оставив патрон открытым. Снова закрыл глаза, представил, как ток течёт из него, через пальцы, в контакты. В комнате стало светлее — он приоткрыл глаза и увидел, что патрон торшера слабо светится голубоватым светом. Не лампочка, а сам металл, воздух между контактами. Дима сжал пальцы — свет стал ярче. Разжал — потускнел. Он мог управлять этим странным свечением, как ручкой регулятора.

Он попробовал направить искру в сторону, как учил Лёшка. Ничего не вышло — свечение оставалось только вокруг патрона. Тогда он снова закрыл глаза и попытался стать током, текущим по проводам в стене. Представил, как электричество бежит к соседям, к подъезду, к трансформаторной будке. И вдруг услышал — нет, почувствовал — как за стеной кто-то выключил свет. В комнате стало темно. Свечение погасло.

Дима сидел на полу, тяжело дыша. Он не знал, что это было, но знал точно: Лёшкина теория о «резонансе» сработала. Он не вызвал молнию, не полетел, но он почувствовал электричество. Оно было везде, в проводах, в стенах, в воздухе. И он был частью этого.

Он достал тетрадь, дрожащей рукой написал: «Эксперимент удался. Я могу „чувствовать“ электричество. Могу заставить его светиться в патроне, но не стрелять. Возможно, я не маг молнии, а проводник. Или мне нужен более сильный источник. Попробую в следующий раз найти место с высоковольтными проводами (осторожно!)».

Он закрыл тетрадь, лёг на диван и улыбнулся в темноте. Это было не баловство. Это было начало.

1.10 Свет, который помнит

Ночь пришла неожиданно. Дима уснул быстро — сказала усталость после дня, полного новых ощущений. Ему снилось, что он снова на корабле. Но палуба была не деревянной, а стеклянной, и под ней клубилась тьма. Небо над головой казалось вывернутым наизнанку: звёзды висели слишком низко, пульсировали, грозясь упасть.

Он стоял с мечом в руке. Тот же меч, что поднял тогда. Но сейчас клинок светился, и свет этот был не золотым, а белым, почти невыносимым для глаз.

Дима смотрел на свою руку и не узнавал её: она была прозрачной, и внутри, вместо костей и жил, текла молния. Она пульсировала в такт сердцу, и каждый удар отдавался в висках болью.

— Ты не готов, — сказал кто-то за спиной. Голос был тихий, но от него закладывало уши.

Дима обернулся. Никого. Только тьма сгущалась по краям палубы, и в ней угадывались лица — знакомые, но он не мог вспомнить, чьи.

— Ты сгоришь, — прошептал голос уже в самое ухо. — Если не вспомнишь.

Дима хотел спросить, что вспомнить, но в этот момент молния внутри него рванулась наружу. Свет ослепил. Боль пронзила всё тело, как тогда, на корабле, но сильнее. Он крикнул, но не услышал своего голоса. Вместо этого он увидел, как от его рук, от груди, от лица расходятся голубые волны, смывая всё вокруг: палубу, мачты, небо. А в центре этой волны стоял он сам, и его тело становилось прозрачным, рассыпалось искрами.

— Запомни, — сказал голос, уже теряясь в шуме. — Ты это сделал.

Дима проснулся в холодном поту. Сердце колотилось, в груди горело, как тогда, в больнице. Он сел, обхватил голову руками. Перед глазами всё ещё стояли обрывки: меч, свет, его собственные руки, светящиеся изнутри.

Он не помнил, что было дальше. Ни удара молнии, ни того, как он упал. Только пустота, а потом — больничная палата. И странное ощущение, что в этой пустоте спрятано что-то важное, но он не может туда войти.

Дима включил ночник. Руки дрожали. Он посмотрел на левую ладонь — шрам на ней казался ярче, чем вчера. Он провёл по нему пальцем и замер. Ему показалось, что шрам пульсирует, как тот свет во сне.

— Что я сделал? — прошептал он в пустоту.

Ответа не было. Только тишина и слабое гудение холодильника на кухне. Но внутри, там, где горела искра, что-то изменилось. Будто дверь, которую он считал запертой, чуть приоткрылась. И оттуда тянуло холодом, смешанным с болью.

Он долго сидел, не двигаясь, прислушиваясь к себе. Потом достал тетрадь и написал:

«Сон. Я снова держал меч. Моя рука светилась изнутри. Голос сказал: „Ты это сделал“. Что „это“? Я не помню. Но тело помнит. После сна — жжение в груди, шрам пульсирует. Что-то во мне хочет вырваться, но я не знаю, как его выпустить. И боюсь».

Он закрыл тетрадь, лёг, но больше не спал. В голове крутились обрывки:

палуба, свет, пустота. Он чувствовал, что ответ где-то рядом, но не мог до него дотянуться. Это было похоже на попытку вспомнить имя, которое вертится на языке, но не даётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.